
АНДРЕЙ РУДАЛЕВ

КОД УЛИЦКОЙ

Отыграли сиплые трубы Дэна Брауна, волна ажиотажа вокруг него пошла на убыль. Имя стало нарицательным, и постепенно забывается, с чем оно связано. Однако дело его живет и теплится, зароненное семя проросло и соблазняет новых адептов в свои ряды, флибустьеров, алчущих легкой поживы.

Новая история, новый самый правильный взгляд, новая вера, лишенная церковной шелухи, – таковы сейчас рекламные растяжки. Крайне заманчиво стать провозвестником чего-то нового, ранее невиданного.

Книга модного автора Людмилы Улицкой “Даниэль Штайн, переводчик” изначально запрограммирована на успех, вошла в шорт-листы авторитетнейших литпремий, пожала главный трофей – премию “Большая книга”. Тиражи тоже впечатляют, говорят о сотнях тысяч, а также о зарубежных изданиях. Но как бы там ни было, успех книги локален, он достаточно относителен. Она не стала событием культурной жизни, не взорвала литературный фон, общественность, потому как слишком предсказуема. Текст, как отмечают многие рецензенты, – лоскутное одеяло, причем слишком явно пошитое суровыми нитками. Главный герой вызывающе нечеток, фантомен, поэтому приписать ему можно практически какие угодно качества, к примеру, наградить его званием “праведника”. Достоверно можно говорить только о том, что он проповедует. Об этом и попытаемся сказать несколько слов.

Улицкая работает на благодатной, обильно удобренной в последнее время почве. Она не замыкается на богословских вопросах, они для нее лишь часть общей историософской, мировоззренческой картины, которая сейчас активно и чрезвычайно настырно навязывается обществу. Организуется целое смысловое поле подмен и ревизий, в ряду которых наиболее показательным является понятие “холокоста”, когда многонациональная трагедия, вызванная зверствами фашистов в годы Второй мировой войны, монополизирована, подменяется локальной драмой одной отдельно взятой нации. Это уже принципиально новая интерпретация истории, иная по сути.

Книга Улицкой вовсе не частный случай, она не удивляет каким-то открытием. Это всего лишь ветхое тряпье, которое вытащили на свет из дальнего чулана, отряхнули, подштопали, после чего выдали за особую реликвию.

Еще в I веке от Р. Х. развивалось учение, последователей которого позднее называли “иудействующими”. Это была попытка соединения иудаизма с христианством. По одному из направлений этого учения Христос называется пророком, деятельность которого состояла не в открытии новой, радикально иной, революционной веры, а в разъяснении Моисеева закона. В XV в. в Русь из Литвы была занесена ересь “жидовствующих”. Здесь также было отмечено то, что категорически чуждо иудаизму: догмат о Троице, Божественная природа Христа и, соответственно, искупление. Отрицалось значение святоотеческого наследия, церковные таинства и обрядность. Это учение на отечественной почве стало развиваться в Новгороде, к нему примкнули наиболее образованные новгородцы.

Сейчас подобные воззрения связаны еще и с такими понятиями, как космополитизм и экуменизм, который, в частности, стремится на основе существующих вероисповеданий создать универсальную “общую религию”. Основная опасность такого подхода духовной глобализации состоит в том, что происходит размывание христианского учения, которое попросту лишается смысла. В то же время многие послы того же экуменизма кажутся заманчивыми для людей, мало просвещенных в вопросах веры, чем, собственно, с лихвой и пользуются новоиспеченные учителя, предлагая различные формы имитаций.

В туристическом проспекте по Хайфе, помещенном в книгу, будто бы мимоходом даются краткие сведения о бахаистах – последователях некоего пророка Эль-Баха, жившего в XIX веке. Вероучение исламских сектантов – синтез иудаизма, ислама и христианства, причем соединяет оно в себе, естественно, только “все лучшее”: “Суть учения выражается словами “Земля есть одна страна, и все люди – граждане этой страны”. Основные заповеди: “единый Бог, единая религия, единство человечества, неуклонное правдоискательство, гармония между наукой и религией, отказ от убеждений, догм и суеверий”. Очередная попытка создания Царства Божия на земле, в качестве фундамента которого предлагается исключительно морально-этический дистиллят. Нужно быть хорошим человеком, творить добро, любить ближних, освободиться от сковывающих пут, то есть забыть свою национальную и религиозную идентификацию. Это становится существенным шагом на пути единства человечества. Очевидно, что приведенная формула бахаистов симпатична автору.

Для озвучивания своей позиции Улицкая делает из своего героя Даниэля Штайна, прототипом которого стал священник Даниэль Руфайзен, истового ересиарха, который якобы имел особое влияние даже на римского папу.

Однако “Даниэля Штайна” не стоит принимать за “богословский роман”, как утверждает Михаил Горелик в статье “Прощание с ортодоксией” (“Новый мир”, № 5, 2007), скорее, автор делал посыл на некую провокацию. Улицкая предпринимает попытку ревизии христианской догматики, выверта всего ее канонического строя. Затея, опять же повторимся, не новая, автор в своих построениях оперирует избитыми штампами.

Христианское предание Штайн делит на первоначальную и более поздние редакции. Отчетливо проводится мысль, что изначально оно генетически связано с иудаизмом и, по сути, мало чем от него отличается. По мнению Штайна, христианство – это всего лишь реформированный иудаизм. Затем пошел крен в сторону греческого христианства, вплоть до VI века, то есть окончательной трансформации – искажения настоящей сущности, удаления от истины. Разрыв с иудейской традицией вводит в “состояние болезни”. На этом основании отвергается и Тринитарный догмат, который не более как придумка греков, философское построение, “богословский треугольник”, далекий от учения Христа.

Или, например, следующим образом комментирует Штайн практику почитания Богородицы у христиан: “Легенда о рождении Иисуса от Марии и святого Духа – отголосок эллинской мифологии. А под этим почва мощного язычества” – “Все это проникает в христианство – просто кошмар!” – “Она была святая женщина и страдающая женщина, но не надо делать из нее родительницу мира”. Такая вот современная редакция ренановского релятивизма...

Один из героев, некто Исаак Гантман, пишет: “Любое последовательное религиозное воспитание рождает неприятие инакомыслящих. Только общая культурная интеграция, выведение религиозной сферы в область частной жизни может сформировать общество, где все граждане имеют равные права”. Религия, выходит, не просто “опиум”, но и основное пугало для ревнителей толерантности, всемирного равенства и братства. Выведение в “область частной жизни” означает восприятие ее лишь с позиций морально-нравственных доминаций. Эту сублимированную религию, адаптированную к запросам времени тотальной глобализации, и пытается синтезировать Даниэль Штайн, вывести особый философский камень – универсальный общеприменимый код веры.

Преодоление религии совершается через примат набора индивидуальных путей, то есть каждый человек сам для себя может выступить учителем и создать свою собственную веру. Именно это и объединяет всех в некую всемир-

ную общность, замешанную на абстрактном гуманизме. Мировая религия – единственная носительница истины – должна быть “исцелена”, то есть раздроблена, “необходима “делатинизация” церкви через инкультурацию христианства в местные культы”. Церковь – это нечто локальное, она “живет в своем этносе”, представляет собой набор родоплеменных воззрений, отражающий менталитет каждой нации.

Свою задачу Людмила Улицкая формулирует после написания первой части следующим образом: ее цель – сделать усилия “по выковыриванию Бога из обветшавших слов, из всего этого церковного мусора”, то есть стремится к упразднению Церкви. Это должно совершиться вначале путем раздробления ее на национальные культы, затем на собственную индивидуальную веру для каждого человека, в зависимости от того, что кому по душе.

Однажды Штайн заявляет: “Я не хочу никого увлекать за собой. Пусть каждый идет за Богом тем путем, который ему открывается”. Также и для каждой нации есть “свой собственный, национальный путь ко Христу”, у каждого есть свой Христос. То есть нравится вам христианство – ваше дело, ведь принципиально важного в этом ничего нет, это все лишь один из возможных вариантов построения добродетельной жизни, которых может быть десятки, сотни. Говоря, что не хочет никого увлекать за собой, Даниэль все-таки претендует на роль учителя нового-старого культа, позиции которого отстаивает. Он сам иногда высказывается о себе как об учителе, апостоле.

Штайн делает собственноручно переводы Нового завета с греческого на иврит, хотя “эти переводы давно существуют, но Даниэль считает, что они полны неточностей и даже ошибок”. Ну, еще бы, раз за основу берешь язык духовных “оккупантов” – то есть цивилизации, извратившей чистоту веры, то допущений здесь может быть достаточно и работать уже с этим текстом дозволено, как в захваченном поселении, любое действие априорно оправдано. Собственно, традиция здесь богатейшая, практически любая христианская секта считает за честь выдать свой “настоящий” извод Евангелия, произвести его правильную интерпретацию.

Монашество Даниэля, в принципе, то же самое, что и служение в гестапо переводчиком. Спасая вначале себя, не выказывая сопротивления судьбе, он пытается реабилитироваться – спасти других людей, вывести их из гетто. Однако вызволяется лишь часть, триста человек, большая часть, видимо, не вполне доверяя информации Штайна, питая различные безосновательные надежды на милосердие карателей, погибает. А это пятьсот человек.

Принятие католицизма – временная мимикрия до поры. Он привык скрываться, таиться. Старательно выполняя обязанности переводчика в гестапо, расположив к себе шефа, который благоволил к нему отцовской любовью, он совершал подвиг, передавая нужную информацию. Кто поручится, что сан католического священнослужителя для него не то же самое, что и сотрудничество с фашистами, ведь в романе говорится об антисемитских взглядах папы Пия XII, о том, что католическая церковь не воспрепятствовала нацистским гонениям на евреев, о христианской цивилизации, которая ущемляла их права. По крайней мере, в сутане священника Даниэль Штайн выступает независимым учителем, ориентированным на то, чтобы трансформировать наднациональную религию в национальные культы, довести ее до уровня, например, поклонения тотемному божку. Таким образом вывести из векового заточения древнюю веру иудеев.

О Боге Штайн, видимо, стал размышлять после расстрела людей в гетто, и здесь он выступает в роли библейского Иова: “Это была самая ужасная ночь в моей жизни. Я плакал. Я был уничтожен – где Бог? Где во всем этом Бог?” Его Бог был расстрелян вместе с этими людьми. Причем к этому расстрелу вела, по мнению Штайна, вся христианская цивилизация, и немецкие нацисты были лишь ее крайней изуверской гримасой, однако достаточно логичной в череде взаимоотношений иудеев с миром, выросшим на обломках греко-римской империи. С этого момента начинается его отмщение христианскому Богу, христианской цивилизации.

Все богословие у Штайна сведено к минимуму: “Никто не спросит у нас, что мы думали о природе божественного. Но спросят: что вы делали? Накормили ли голодного? Помогли ли бедствующему?” Да это и понятно, любое локальное вероучение держится на четком разделении сакрального и профанного, жесткой иерархии. Есть учитель, который позаботится о своей па-

стве, беря на себя труд богословских построений. Неофиты же должны жить праведно, то есть в рамках той матрицы, которую для них сформулировал учитель.

В христианстве есть традиция апофатического богословия. Одной же из отличительных черт религиозной секты является крайняя односторонность, заикленность на чем-то одном. Символ веры Даниэля – слишком буквально и однозначно понятая формула: “Мы, еврей-христиане, почитаем нашего Учителя, который не говорил ничего такого, что было бы совершенно неизвестно миру до его прихода”. Действительно, христианство мало чем могло удивить иудаистскую традицию, кроме, естественно, Боговоплощения, то есть той Истины, до которой иудаизму было не суждено добраться. Поэтому синтез, о котором говорит Штайн, возможен, только если признать Христа исключительно пророком, учителем, *одним из* (вспомните того же Эдуарда Шюре с его “Великими посвященными”), и в этом случае Он будет прекрасно вписываться в древнюю иудаистскую традицию, по сравнению с которой ничего принципиально нового не говорил. Это, собственно, Штайн и формулирует: “Мы не так много о Нем знаем, но, несомненно, что он был еврейский учитель. Оставьте нам его как Учителя”. Если вытащить из христианства всю его душу, его суть, то мы и получим мишень, в метании дротиков по которой упражняется полувиртуальный герой Улицкой.

Причем любой диалог с центральной идейной линией романа заранее отменяется. В книге карикатурно представлен образ несостоявшейся, причем не по своей воле, монахини Терезы и православного священника Ефима Довитаса, апологета канонов. Вначале они находились в фиктивном браке (для рукоположения должна быть матушка), позже развилась настоящая любовь. По приезду на Святую Землю им помог тот же Даниэль Штайн. Затем отец Ефим порвал с ним в силу того, что Штайн вел богослужение, пренебрегая канонами. В одном из своих писем Тереза пишет во время бесприютных скитаний: “чувствую себя никем... Не католичкой, не православной, в каком-то неопределенном пространстве”. Это ощущение было сильно, пока чета не нашла отраду в своем сыне, от рождения страдающем синдромом Дауна, но в котором любящие родители видели необычайные таланты, вплоть до того, что разглядели в нем Мессию. Все, оказывается, просто, а вы говорите – Благая Весть...

Чем же вера Штайна-Улицкой отличается от атеизма? По мнению автора, у атеистов “единственная мера всему – собственная совесть”. Штайн также всеми силами стремится к этому. У него идет размывание конкретного религиозного наполнения веры, он выступает за религиозный плюрализм, главное, “заповеди соблюдайте, ведите себя достойно”. Если для атеиста единственный критерий – собственное “Я”, у верующего по-штайновски есть внешний авторитет, Учитель, который освежил древние заповеди, декларацию прав человека (принципиальной разницы нет).

Существование различных религиозных конфессий, церквей Даниэль сравнивает с “большим базаром”, причем в этих торговых рядах не всегда продается доброкачественный товар. Подкидывают “пустышку христианства” – некую мистификацию, что-то надуманное, иллюзорное: “Дело в том, что я половину жизни провел среди людей, ищущих Господа в книгах и обрядах, которые сами же и придумали”. Зачем вся эта ненужная малопонятная шелуха, ведь “встретить Его можно везде”. Одинаковые шансы на эту встречу, по словам Штайна, может предоставить как Православие, так и коровник.

Стоит ли сильно распинаться и доказывать, что Улицкая чудовищно далека от христианства, что его мистические токи, смысл откровения совершенно непроницаем для нее, и поэтому иного послания от писательницы невозможно было ожидать? В письме, помещенном в пятой части книги, она причитает: “Такая духота, такая тошнота в христианстве”. Причем в России, как считает автор, ситуация еще печальнее, еще более дика: “на Западе церковь слита с культурой, а в России – с бескультурьем”, “в России церковь гораздо слабее сцеплена с культурой, она гораздо больше связана с примитивным язычеством”. То есть здесь все находится еще на более низкой стадии, даже плодородной почвы не народилось, чтобы прижился дичок христианства.

Насколько все эти тезисы Штайна-Улицкой можно приравнять к богословию – большой вопрос. Ожидаемого самой Улицкой чувства обиды также не возникает, только жалость, даже не к герою, который чрезмерно мумифици-

рован, а к автору, ведь затевалось что-то грандиозное, много сил потрачено было, а результат пшиковый – выстрел из рогатки в небо.

И уж совсем пошлая мысль иногда стала возникать при чтении: не стал ли побег трехсот причиной расстрела оставшихся в гетто пятисот человек... Мысль вульгарная, но ведь тот же Штайн до конца жизни сокрушался, что однажды, чтобы сохранить жизнь двадцати, пришлось пожертвовать, по сути, безвинным лесником и деревенским дурачком. Вот вам и вопрос о мере жертвы и своей ответственности за действие, за сказанное слово.

г. Северодвинск